

ШПИЛЬКАМИ

По самоиннению

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

Екатерина Мордвинцева

Шпильками по самолюбию

<https://litres.ru/74211538>

Аннотация

Она — талантливый архитектор, похоронившая мечты в бетоне офисных центров. Он — хозяин ночного города, привыкший покупать всё, что пожелает. Их встреча — искра в душном клубе. Их «брак» — фикция, скреплённая поддельными документами и его непоколебимой волей. Он загнал её в золотую клетку пентхауса, считая это победой. Но не учёл одного: сломать можно что угодно, кроме живой души, которая, оказавшись в заточении, начинает строить планы не по его чертежам. План побега. А может, и план мести.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1

Воздух в офисе был не просто спёртым — он был выдохшимся. Он впитывал в себя запахи старой бумаги, пыли от принтера, горьковатой нотки пережжённого кофе из автомата в коридоре и едва уловимый, но назойливый аромат отчаяния, который к восьми вечера начинал витать над каждым рабочим местом. Кондиционер, хрипло урча где-то в потолочных недрах, не охлаждал, а лишь перегонял эту тягучую смесь из одного конца open-space в другой, создавая призрачные, тёплые сквозняки, от которых мурашки бежали по влажной коже. Солнце, уже низкое и размазанное по горизонту, как апельсиновый джем по грязной тарелке, било в панорамное окно во всю стену. Стекло, получившее за день нагрев, отдавало его теперь внутрь, превращая пространство в огромную пароварку. Луч света падал точно на чертёжный стол Алисы Соколовой, выхватывая из полумрака разворот с планом жилого комплекса «Северные высоты» и превращая глянцевую бумагу в ослепительное, враждебное зеркало.

Алиса откинулась на спинку кресла, позволив голове запрокинуться назад. Вязкая усталость растекалась по плечам, сковывая мышцы шеи тугим жгутом. Она закрыла веки. Под ними плясали, множились и расползались жёлтые и синие пятна — призраки линий, осей, размеров, цифр, которые она видела уже двадцать восьмой час подряд, если считать с пяти

утра прошлого дня. Она считала. Каждый час тикал в сознании с чёткостью метронома. Дедлайн, неумолимый и безликий, как алгоритм, перестал быть просто датой в календаре. Он обрёл физическую форму: он сжимал её виски обручем, давил на грудную клетку, оставлял кислый привкус на языке. А вдохновение, тот самый капризный мотор, что когда-то заставлял её руки летать над ватманом, испарилось. Бесследно. Будто его и не было. Осталась только холодная, механическая необходимость: доделать. Исправить. Утвердить.

Её пальцы, жившие своей отдельной, вымуштрованной годами жизнью, сами потянулись к верхнему ящику стола. Движение было отработанным, бессознательным. Они миновали пачки скрепок, запасных стержней для карандаша, паспорт проекта и уткнулись в дальний, пыльный угол. Нащупали. Шершавая, ребристая, прохладная поверхность. Ракушка. Не декоративная, купленная в сувенирной лавке, а найденная. Одна-единственная, створка гребешка, привезённая с каменистого побережья Чёрного моря пять лет, два месяца и семнадцать дней назад.

Она достала её, положила на разворот проекта, аккуратно на зону, обозначенную бирюзовым пятном и подписью «Искусственный водоём №3. Зона рекреации». Кончиками пальцев, на которых от карандаша оставались едва заметные серебристые следы графита, она провела по дуге ракушки, от устья к завитку. Подушечки скользили по когда-то перламутровой, а теперь почти стёртой, матовой поверхности. Там, внутри

спирали, ещё жила память о шероховатости, о настоящей, неоцифрованной текстуре.

«Вот он, твой водоём, Алиса, — язвительно, беззвучно заговорил в голове голос. Он звучал подозрительно похоже на голос главного архитектора Бориса Леонидовича, но с ядовитой, её собственной интонацией. — Живой будет только чайка. Бронзовая. Весом в полтонны, приваренная к постаменту из гранита. И табличка: „Летающая в будущее“. Бетонные берега, расчерченные строго под углом в сорок пять градусов для оптимального визуального восприятия. Система фильтрации с немецкими насосами. И дизайнерские светодиодные фонарики, меняющие цвет в зависимости от времени суток. Романтика, блин».

Она открыла глаза, отгоняя призрак начальника. Взгляд, скользнув мимо монитора, утонувшего в трёхмерной модели фасада, зацепился за маленький, потёртый скриншот, прилепленный на боковую панель. Не вдохновляющая картинка из интернета. Её собственное, старое фото. Сделано на мысе. За спиной — бесконечная, безудержная бирюза, вбирающая в себя всё небо. Песок под ногами не белый, а серовато-золотой, крупный. И она. Волосы, выгоревшие до цвета пшеничной соломы, спутанные ветром и высохшие солёными кристаллами. Лицо без макияжа, с лёгким солнечным ожогом на скулах. И смех. Настоящий, от которого шей слезились, а в уголках губ застывали морщинки-лучики. Ей было двадцать три. Она только что, на отлично, защитила диплом —

проект центра современного искусства в виде развернутой к морю ракушки. Комиссия назвала его «слишком поэтичным» и «непрактичным». А она была уверена, что вот-вот. Вот возьмут её в эту крутую мастерскую, вот дадут шанс, и она покорит мир не квадратными метрами, а ощущениями. Проектами, в которых будет слышен шелест листьев, шум дождя по стеклу и чувствовать тепло дерева под ладонью. Проектами, которые будут не строить, а — расти.

Что покорила она за эти пять лет, два месяца и семнадцать дней? Искусство компромисса. Виртуозно. Она научилась вписывать мечты в сетку колонн. Убеждать заказчика, что «эта имитация мрамора ничем не уступает настоящему, зато экономия двадцать процентов». Рождать из воздуха функциональные зоны там, где хотелось оставить пустоту. Она стала архитектором-алхимиком, превращающим золото замысла в свинец реализуемого бюджета. Она строила не дома, а клетки. Стильные, удобные, престижные клетки. И свою собственную — самую прочную — тоже.

«Жизнь проходит».

Мысль возникла не внезапно. Она подкрадывалась давно, шепталась по ночам в подушку, мерещилась в пятнах кофе на документах. Но сейчас она прозвучала внутри с такой леденящей, безоговорочной ясностью, что Алиса вздрогнула, будто от щелчка по лбу. Диагноз. Окончательный.

Она проходит. Прямо сейчас. Не где-то там, на улице, под этим самым алым, грозovým небом, которое она видела в

окно час назад. А здесь. В этой стерильной, кондиционированной тишине. Она утекает сквозь пальцы, как этот самый несуществующий песок, не в таймере дедлайнов, а в тиканье системного блока, в мерцании экрана засыпающего компьютера. Каждый щелчок мыши — ещё один шаг в сторону от того моря. От того смеха.

А где-то оно есть. Настоящее море. Оно дышит полной грудью, не обращая внимания на градостроительные планы. Шумит, не заботясь о децибелах, разрешённых санитарными нормами. Пахнет водорослями, йодом, гниющими медузами и абсолютной, дикой свободой. Оно не впишется ни в одну сетку координат AutoCAD. Ему плевать на смету и на то, что «клиент хочет больше парковочных мест».

Ладонь сжала ракушку. Крепко. Так, что заострённый край впился в кожу у основания большого пальца, оставляя белый, а затем краснеющий след. Глупый, почти детский жест бунта. Бунта против линий, углов, против самой себя. От ракушки не пахло солью. От неё пахло. Пылью. Пылью архивных папок, тоской невыполненных обещаний и сладковатым запахом пластика от клавиатуры.

Резкий, назойливый звук заставил её вздрогнуть. На мониторе в правом нижнем углу всплыло напоминание: «Корректировки по “Северным высотам”. Срок сдачи: завтра, 9:00. Время: 20:17».

«До девяти утра, — мысленно перевела она. — Значит, ночь. Опять».

Алиса выдохнула. Выдох получился долгим, дрожащим, будто она пыталась вытолкнуть из лёгких весь этот спёртый, бесполезный воздух. Она поставила ракушку обратно в ящик. Не бросила, а именно поставила, аккуратно, в самый дальний угол, как ставят памятную урну в колумбарий. Потом потянулась к мышке. Пластиковый корпус был тёплым, почти горячим от постоянного контакта с её ладонью. Курсор на экране ожил, послушный и бездушный. Маленькая чёрная стрелочка, её главный инструмент, её волшебная палочка, творящая не чудеса, а реальность. Чужую реальность.

«Ещё несколько часов, — сказала она себе беззвучно, губами, которые казались сухими и потрескавшимися. — Ещё несколько линий. Ещё одна ночь».

За окном окончательно стемнело. Агония заката сменялась холодным, электрическим сиянием ночного города. Миллионы окон, миллионов таких же, как она, клеток, зажглись, замигали, засверкали. Рекламные билборды, неоновые вывески, фары машин — всё это отражалось в стеклянных фасадах небоскрёбов, множилось, дробилось, создавая ослепительную, оглушительную иллюзию жизни, кипения, события. Иллюзию движения. Но из этой высоты, из этой тишины, всё это казалось немым, плоским, как диаграмма. Красивой, но мёртвой картинкой.

Алиса щёлкнула выключателем настольной лампы. Мягкий, жёлтый круг света выхватил из всеобщего мрака только островок её стола: безупречно белый лист с чёрными лини-

ями, серебристый корпус компьютера, чашку с окаменевшими остатками кофейной гущи. И её собственные руки, лежащие на клавиатуре. Худые, с тонкими пальцами, всегда холодные. Руки, которые умели рождать красоту, но сейчас были просто инструментом.

Она сделала первый щелчок. Потом второй. Курсор пополз к одной из немногих оставшихся «изюминок» проекта — к ажурному кованому мостику через тот самый искусственный пруд. Мостику, который она отстояла в трёх совещаниях, который был её маленькой, личной победой. В техническом задании на последней корректировке появилась пометка: «Элемент признан экономически нецелесообразным. Заменить на стандартную бетонную конструкцию».

Палец замер над левой кнопкой мыши. Всего один щелчок. Команда «Удалить». Пиксель за пикселем, линия за линией, мечта за мечтой. Она смотрела на экран, и ей вдруг с невероятной ясностью представилось, как вместе с этими линиями стирается её собственное лицо с того старого фото. Сначала исчезает смех. Потом солёные брызги на щеках. Затем — море на заднем плане. Остаётся только пустой, серый фон.

Она медленно, с почти физическим усилием, опустила палец.

Щелчок прозвучал в тишине оглушительно громко.

Мостик исчез. На его месте остался лишь пустой слой, готовый принять новую, правильную, разумную геометрию.

Алиса откинулась в кресле и закрыла глаза. На этот раз, чтобы не видеть, как по её щеке, пробиваясь сквозь ресницы, скатывается одна-единственная, предательски горячая слеза. Она упала на клавиатуру, оставив крошечное, влажное пятно на клавише «Enter». Клавише, которая всегда означала только одно: утверждение. Согласие. Движение вперёд.

Вперёд — в следующую бесконечную ночь её безупречно спланированной, абсолютно правильной, невыносимо пустой жизни.

Марк: Глава расширена и углублена. Мы добавили:

Детали атмосферы: запахи, тактильные ощущения (теплота мышц, холод рук), звуки.

Растянутое время: добавили ощущение долгого, мучительного вечера.

Конкретику работы: упоминание AutoCAD, технических деталей, что усиливает реализм.

Углубление в прошлое: больше подробностей о её мечтах, дипломном проекте.

Усиление метафор: клетка, алхимия, бронзовая чайка, песок времени.

Кульминацию-действие: процесс удаления мостика как символическое убийство последней частички себя. Слеза как признание поражения.

Персонаж Алисы стал объемнее, её внутренний конфликт — острее. Теперь читатель готов к тому, что её «клетка» должна быть взломана извне. Переходим ко второй главе и визиту Крис?

Глава 2

Тишина после щелчка мыши была особого свойства. Она была густой, вязкой, как будто звук не просто прекратился, а был поглощён этой жаркой, пыльной мглой. Алиса сидела, уставившись в пустое место на экране, где секунду назад был мостик. Палец всё ещё лежал на кнопке, будто надеясь на чудо отмены действия. Но чудес в её мире не было. Были только команды «сохранить» и «пересохранить».

Вдруг снаружи, из-за тяжелой матовой двери в коридор, донесётся какофония звуков, грубо ворвавшаяся в её звуконепроницаемую капсулу. Громыхание лифта, далёкие голоса уборщиц, перекликающихся на таджикском, и... быстрые, чёткие, агрессивно-радостные шаги на высоких каблучках. Эти шаги не просто шли — они вышагивали, отбивая по линолеуму дробную, дерзкую чечётку. Алиса узнала их мгновенно, ещё до того, как дверь в её кабинет с грохотом отлетела, ударившись об ограничитель.

В проёме, залитая светом из коридора, словно сошедшая со страниц глянцевого журнала о том, как надо жить, стояла Кристина, или просто Крис. Дизайнер интерьеров, профессиональный нарушитель спокойствия и единственный человек на планете, способный врваться в офис «Соколова и партнёры» в десять вечера, как на праздничную вечеринку.

— Ну что, тюфяк архитектурный, ты ещё дышишь? Или

уже окаменела вместе со своими бетонными гробами?

Крис не вошла — она всплыла. Волна дорогого, но дерзкого парфюма с нотами чёрной смородины и пачули накрыла Алису с головой, мгновенно победив запах пыли и отчаяния. На ней была не одежда, а декларация: короткое, цвета фуксии платье, которое, казалось, светилось в полумраке, кричащие салатовые туфли-лодочки на шпильке, с которыми она управлялась, как танк на гусеницах, и огромная барсетка из искусственного перламутра, способная вместить, по её словам, «всё, от гвоздя до загубленной репутации».

— Крис... — голос Алисы прозвучал хрипло, неиспользуемо. — Что ты... как ты прошла?

— Охранник? Старичок Василий? — Крис махнула рукой, запястье которой браслетило десятком тонких звенящих браслетов. — Я ему принесла пирожок с вишней. От его любимой столовой. Он мне всё про внучку рассказывал, пока я не сказала, что у меня роды начинаются. Дверь в твой бункер открыл скрепкой. У тебя, между прочим, смехотворный замок. Доложить о прорыве обороны?

Она подошла к столу, уставилась на экран, потом на Алису, на чашку с кофейной гущей, потом снова на Алису. Её взгляд, всегда живой и пронзительный, стал диагностическим.

— Боже правый, Ал, ты выглядишь, как та самая чайка. Бронзовая. Только тебя ещё не отполировали до блеска. Ты тут одна? В это время? В этой духоте? — Она резко потяну-

ла шнур жалюзи, с грохотом зашторив последний намёк на ночной город. — Прекращай это безобразие. Сию секунду.

— У меня дедлайн, — автоматически ответила Алиса, жестом указывая на монитор. — «Северные высоты». Завтра к девяти.

— «Северные высоты», — передразнила её Крис, пройдя к мини-холодильнику и без спроса открыв его. Внутри лежала бутылка воды и заплесневелый йогурт. — А знаешь, где будут настоящие северные высоты через три часа? На танц-поле в «Эклипсе»! И ты будешь там. Со мной.

«Эклипс». Название прозвучало, как выстрел. Самый модный, самый дорогой, самый недоступный клуб в городе. Место, где собиралась золотая молодёжь, блогеры, наследники и охотницы за наследниками. Мир, о котором Алиса читала лишь в светской хронике, с легким чувством брезгливого любопытства.

— Ты с ума сошла, — прошептала Алиса. — Посмотри на меня. Я в рабочем хлопке, у меня под глазами синяки размером с твою барсетку, а ты предлагаешь мне в «Эклипс»? Я не вписываюсь.

— Вот именно! — воскликнула Крис, хлопнув ладонью по столу так, что дрогнула раскалённая лампа. — Ты тут не вписываешься! В эту тоску, в этот бетон! Ты, между прочим, Алиса Соколова! В двадцать три года ты хотела строить дворцы из света и воздуха, а в двадцать восемь боишься выйти из-под света этой жалкой лампы! Что с тобой случилось?

— Со мной случилась жизнь, Крис! — голос Алисы внезапно сорвался, став выше, в нём прорвалась накопленная за вечер горечь. — Реальность. Ипотека. Обязательства. Ты знаешь, что такое «экономически нецелесообразно»? Это приговор. Это то, чем душат всё живое. Вот этот мостик... — она ткнула пальцем в экран, — ...он был «нецелесообразен». Его нет. Как нет и той девчонки с моря. Она выросла. Она научилась быть целесообразной.

Крис присела на край стола, нарушая все правила личного пространства. Её лицо стало серьёзным, шумная маска веселья спала.

— Я тебя слышала. Всё, что ты сказала. Это — страх. Банальный, въевшийся в кости страх. Не страх неудачи, Ал. Страх чего-то другого.

— Чего? — Алиса с вызовом посмотрела на неё.

— Страх, что ты можешь хотеть чего-то ещё. Страх, что эта твоя выстроенная, безопасная, тоскливая клетка — не единственный вариант. Ты боишься даже помечтать о чём-то другом, потому что если помечтаешь, то придётся что-то менять. А меняться — страшно. Легче сидеть тут и стирать мостики. Легче чувствовать себя мученицей, чем... чем попробовать быть счастливой.

Слова попали точно в нерв. Алиса отвернулась, её взгляд упал на ящик стола, где лежала ракушка.

— «Эклипс»... Это же просто другая клетка. Только с громкой музыкой и дорогим алкоголем.

— Нет! — Крис снова стала громкой. — Это не клетка. Это — воронка. Вихрь. Хаос. Туда не ищут «вписаться». Туда идут, чтобы выпасть из привычной орбиты. Хотя бы на одну ночь. Чтобы вспомнить, что у тебя есть не только глаза, чтобы пялиться в монитор, но и кожа, которая чувствует бас, и ноги, которые могут не стоять на месте, а танцевать. Хотя бы пьяно и нелепо!

Она встала, подошла к Алисе сзади, положила руки ей на одеревеневшие плечи. Её прикосновение было тёплым, живым, назойливым.

— Я не прошу тебя переехать туда. Я прошу один вечер. Один. Ты мне нужна. Мне сегодня нужна подруга, а не призрак. А тебе... тебе нужна встряска. Укол адреналина прямо в сердце. Иначе ты заснешь окончательно. И разбудить тебя будет уже нельзя.

Алиса молчала. Внутри шла гражданская война. Одна часть, вымуштрованная и уставшая, кричала о дедлайне, о разумности, о том, что завтра будет похмелье и стыд. Другая часть, та самая, что хранила ракушку, с жадностью ловила образы: грохот музыки, толпа, тёмный зал, где можно раствориться, стать никем, стать просто телом без мыслей и обязательств. Где никто не будет спрашивать её о смете.

— У меня нет ничего надеть, — слабо пробормотала она, уже чувствуя, как крепость её сопротивления даёт трещину.

— Ха! — Крис засмеялась победно. — Это я уже предусмотрела. У меня в машине. Маленькое чёрное платье. Твоё.

Я его ещё год назад купила, в надежде. Туфли тоже есть. Всё есть. Осталось только решиться.

Она замерла в ожидании, не сводя с подруги пристального взгляда. Тиканье часов на стене вдруг стало оглушительным. Каждый тик — это шаг к тому, чтобы остаться. Остаться с пустым экраном, со слезой на клавиатуре, с чувством, что жизнь — это бесконечный корректировочный лист.

Алиса медленно подняла глаза. Она посмотрела на Крис. На её безумное платье, на её уверенность, на её бесстрашие. И ей дико, до боли захотелось хоть на каплю стать такой же.

— Я... — она сглотнула комок в горле. — Мне нужно сохранить файл.

Это была не победа. Это была капитуляция. Но капитуляция, звучавшая как самое смелое решение в её жизни.

Крис засияла, как неоновая вывеска.

— Ура! Наконец-то! — Она схватила сумочку и протянула руку. — Давай, миссис Целесообразность. Покажу тебе, что бывает, когда на «целесообразность» всем наплевать. Быстро сохраняй, выключай и поехали. Пока ты будешь копаться, я Василию ещё пирожок отнесу — поддержим легенду о преждевременных родах.

Алиса, с странным ощущением лёгкости, почти невесомости, нажала комбинацию клавиш Ctrl+S. Файл сохранился. Мир не рухнул. Она выключила монитор. Жёлтый круг света погас, погрузив комнату в почти полную темноту, нарушаемую лишь слабым свечением аварийного значка над дверью.

Она встала. Ноги были ватными. Сердце билось где-то в горле, сбивчиво и глухо. Это было не волнение. Это был страх. Тот самый, про который говорила Крис. Страх перемен. Но теперь, шагая за подругой в освещённый коридор, оставляя позади тишину и безопасность своего кабинета, она впервые за долгие годы чувствовала не тоску. Она чувствовала дрожь. Предвкушение землетрясения.

Глава 3

Решение, вырванное у неё в кабинете под напором Крис, в холодном свете уличных фонарей и в тесном салоне её старенькой Mini Cooper начало казаться Алисе абсурдным, почти сюрреалистичным. Она сидела, прижимая к груди огромный пакет от бутика, в котором болталось то самое «маленькое чёрное платье» и коробка с туфлями. Машина Крис неслась по ночному городу, выписывая лихие виражи, и каждый поворот отдавался в животе Алисы лёгкой, неприятной тошнотой.

— Не смотри такими глазами, будто я везу тебя на эшафот, — фыркнула Крис, ловко обгоняя внедорожник. — Эшафот — это твой офис. А мы едем на бал. Ну, или на его криминальную, переосмысленную версию.

— Я просто не понимаю, зачем мне это, — тихо сказала Алиса, глядя на мелькающие огни. — У меня завтра в девять утра...

— ...ты сдашь проект, потому что ты гений и уже всё почти сделала, — перебила её Крис. — А в восемь утра я лично привезу тебе тройной эспresso и святой воды. Расслабься. Хотя бы попробуй.

Она свернула в тихий, тенистый двор её дома — сталинки с высокими потолками, в которой Алиса снимала квартиру-студию. Место было её крепостью, такой же спланиро-

ванной и аскетичной, как рабочий стол. Стеклянные полки с книгами по архитектуре, диван-трансформер, строгий рабочий уголок с макетным столом и единственная «вольность» — большой этюдник у окна, заброшенный года два назад.

Крис ворвалась в это пространство, как ураган, нарушив его стерильную гармонию. Она швырнула свою барсетку на диван, распахнула холодильник.

— Так, провизия. Вино, сыр... О, яйца! Сейчас сделаем перекус, сил понадобится. А ты не стой столбом, иди примеряй! Ванная там?

Алиса, чувствуя себя марионеткой, послушно поплелась в ванную с пакетом. Закрыв дверь, она прислонилась к прохладному кафелю и закрыла глаза. Сердце всё ещё колотилось. Она развернула пакет. Платье. Оно было не просто «маленьким и чёрным». Оно было произведением кроя — из плотного, матового шёлка, с одним открытым плечом и длинным, рассечённым до самого бедра разрезом. Оно не кричало, оно шептало что-то опасное и соблазнительное. Туфли — тонкие шпильки, от которых у неё уже заболели колени при одном взгляде.

«Это не я, — подумала она, снимая потный рабочий хлопковый комбинезон. — Это костюм для роли, в которой я не умею играть».

Она надела платье. Ткань оказалась неожиданно приятной, прохладной, она обтекала тело, подчёркивая то, что Алиса годами прятала под бесформенной офисной одеждой.

В зеркале на неё смотрела незнакомка. Изящная, хрупкая, с бледной кожей, оттенённой чёрным шёлком, и огромными, испуганными глазами. Она повернулась. Разрез открывал длинную, стройную ногу. Она потянулась, чтобы поправить ткань, но остановилась. Было стыдно. И... волнующе.

Раздался стук в дверь.

— Выставляй напоказ, трусиха! Не заставляй меня ломать дверь!

Алиса медленно вышла. Крис, жуящая омлет с томатами прямо со сковороды, замерла. Её глаза округлились, затем засветились неподдельным восторгом.

— Вот чёрт... Ал, да ты... Ты бомба. Натуральная, бесспорная бомба. Ты понимаешь, что в этом ты выглядишь дороже, чем весь интерьер этого клуба? Ты — живой укор их пластиковому гламуру. Иди сюда, сейчас я тебя соберу.

Следующий час был для Алисы испытанием на прочность. Крис превратилась в безжалостного стилиста и визажиста. Она усадила Алису на табурет посреди комнаты и принялась творить.

— Макияж должен быть как доспехи, — бормотала она, ловко работая кистями. — Только вместо стали — шиммер и стойкая помада. Чтобы ни одна слезинка неуверенности не просочилась.

Она вывела стрелки, которые сделали взгляд Алисы ещё более пронзительным и отчуждённым. Накрасила губы глубоким, бархатным оттенком бордо. Рассыпала по скулам лёг-

кие жемчужные блики. Потом принялась за волосы: быстрыми движениями она создала на голове Алисы видимость художественного беспорядка — локоны, выбившиеся из когда-то строгого пучка, несколько прядей, обрамляющих лицо.

— Готово. Теперь смотри.

Она развернула Алису к большому зеркалу в полный рост.

Алиса увидела призрак. Изыщную, опасную, холодно-прекрасную незнакомку из мира, к которому она не принадлежала. Это была не она. Это была версия её самой, созданная Крис для чужой сцены. Но что-то в этом образе заставило её сжаться внутри. Было страшно. И — да, она не могла отрицать — было щекочуще, как перед прыжком с вышки.

— Я... я не могу в этом дышать, — выдохнула она, касаясь платья на груди.

— Хорошо, — безжалостно сказала Крис. — Значит, ты будешь дышать реже. И двигаться медленнее. Как пантера в клетке. Это даже сексуальнее.

Она отошла, оценивая результат. — Теперь самое важное. Правила на вечер. Правило первое: никаких разговоров о работе. Ни слова о бетоне, сметах и дедлайнах. Ты сегодня не архитектор. Ты — загадка. Правило второе: если к тебе подойдут — ты не убегаешь. Ты смотришь в глаза. Можно молчать, можно сказать что-то короткое и язвительное. Я за тобой присмотрю. Правило третье: ты пьёшь только то, что я тебе принесу, или то, что откроют при тебе. Никаких кок-

тейлей из рук незнакомцев, даже самых красивых. Понятно?

Алиса кивнула. Правила были похожи на инструкцию по выживанию в джунглях. Это её успокаивало. Была структура, был план.

— И последнее, — Крис подошла вплотную, её лицо стало серьёзным. — Ты не обязана веселиться. Ты не обязана танцевать, если не хочешь. Ты можешь просто стоять и смотреть. Поглощать атмосферу. Но ты должна быть там. Физически. В самом эпицентре этого безумия. Просто чтобы знать, что оно существует. Согласна?

«Просто чтобы знать, что оно существует». Эти слова заделали что-то внутри. Да. Она хотела знать. Хотела увидеть ту самую «воронку», о которой говорила Крис. Не для того, чтобы прыгнуть в неё, а чтобы... подтвердить, что её тихая, упорядоченная жизнь — это осознанный выбор, а не трусливое бегство. Хотя сейчас это и чувствовалось именно как бегство.

— Согласна, — прошептала она.

— Отлично! — Крис хлопнула в ладоши, и маска беззаботности вернулась. — Тогда поехали. Покажем этим пиджонам, как выглядит класс без надрыва.

Дорога до «Эклипса» была похожа на путешествие в другую реальность. Центр города, всегда оживлённый, в эту ночь пульсировал особой, нервной энергией. Узкая, ничем не примечательная снаружи дверь в старом особняке была окружена толпой. Девушки в блёстках и микро-платьях, пар-

ни в безупречных повседневных костюмах, все они излучали уверенность, которая казалась Алисе наигранной и пугающей. Огромный мужчина с лицом боксёра и в наушнике бесстрастно сверял имена со списком на планшете.

Крис, не моргнув глазом, вытащила Алису из машины и, взяв её под локоть, повела сквозь толпу, как ледокол. «Пропусти, милый, у нас бриллиантовая карта и плохое настроение», — бросила она охраннику, даже не замедляя шаг. Тот, к удивлению Алисы, лишь кивнул и отодвинул бархатный занавес.

И вот они пересекли порог. Первое, что ударило по Алисе, — не свет и не музыка, а звук. Глубокий, всепроникающий бас, который входил не в уши, а прямо в грудную клетку, заставляя вибрировать рёбра. Потом — свет. Миллионы подвижных лучей, лазерные пучки, которые разрезали клубящийся в воздухе искусственный туман, окрашивая его в кислотные цвета. И запах — дорогого парфюма, пота, сладкого дыма и холодного металла.

Она остановилась, ослеплённая, оглушённая. Крис что-то кричала ей в ухо, но слова тонули в рёве. Она видела только мелькающие в полумраке тела, искажённые гримасами веселья или концентрации лица, блеск стёкол в барной стойке, которая казалась далёким, недостижимым островком.

Её план «просто постоять и посмотреть» трещал по швам. Это было не наблюдение. Это было погружение в чужеродную, агрессивную среду. Её рациональный ум пытался ана-

лизировать: «Акустика ужасная, световое решение агрессивное, планировка не предполагает зон для уединения...» Но тело не слушалось. Оно было напряжено, как струна, готовая либо лопнуть, либо зазвенеть от неожиданного прикосновения.

Крис, схватив её за руку, потянула к бару. Алиса шла, спотыкаясь на невидимых неровностях пола, чувствуя, как каждый мужской взгляд, скользящий по её ноге из-под разреза, оставляет на коже ожог. Она чувствовала себя голой. Не в физическом смысле, а в экзистенциальном. Все её защитные слои — профессиональный статус, привычная одежда, распорядок дня — были сняты. Осталась только эта хрупкая, нарядная оболочка и дикий, животный страх, смешивающийся с каким-то тёмным, запретным любопытством.

Они добрались до бара. Крис, крича что-то бармену, заказала два коктейля. Алиса прислонилась к холодной стойке, пытаясь отдышаться. Она сжала руки в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Это была не тревога. Это было что-то большее. Предчувствие. Ощущение, что эта ночь, на которую она так неохотно согласилась, уже вышла из-под контроля. Что она стоит на краю, и одно неверное движение — неверный взгляд, неверный жест — столкнёт её в водоворот, из которого не будет возврата к тем спокойным, предсказуемым вечерам у макетного стола.

Бармен поставил перед ней бокал. В нём переливалась мутно-зелёная жидкость с веточкой розмарина. Крис толк-

нула бокал ей в руку.

— Выпей. Первый глоток всегда самый страшный. Потом будет... легче. Или сложнее. Но точно не будет скучно.

Алиса взяла бокал. Холодное стекло обожгло пальцы. Она подняла глаза и встретила с собственным отражением в зеркале за стойкой. Незнакомка смотрела на неё с вызовом и бездонным страхом. Алиса сделала первый, маленький, предательский глоток. На вкус это было как ледяной удар с примесью трав и чего-то горького. Огонь прошёл по горлу и разлился тёплой волной по животу.

Она поставила бокал. Дрожь в руках не утихла, но внутри что-то сместилось. Страх никуда не делся, но к нему прибавилась острая, почти болезненная острота ощущений. Она была здесь. В эпицентре. И она была жива. Ужасающе, невыносимо жива.

«Просто чтобы знать, что оно существует», — пронеслось в голове. Теперь она знала. И знание это было тяжёлым, сладким и опасным, как этот коктейль.

Она обернулась, спиной к бару, опершись на него локтями, и впервые позволила себе просто смотреть. Вглядываться в этот хаос. Искать в нём... что? Закономерность? Смысл? Или просто ждать, когда этот хаос заметит её?

И в этот момент, сквозь мигающий свет и клубящийся туман, её взгляд случайно — или нет? — встретился с чьим-то внимательным, оценивающим взглядом с другого конца зала. Взглядом, который не скользил, а изучал. Взглядом охот-

ника, который только что заметил самую необычную дичь в лесу.

Алиса быстро отвела глаза, сердце заколотилось с новой силой. Но было уже поздно. Контакт состоялся. Игра, правила которой она не знала, началась.

Глава 4

Первый глоток коктейля оставил во рту ледяное, обжигающее послевкусие мяты и чего-то металлического. Алиса прислонилась к холодной стойке бара, пытаясь использовать её как якорь в этом бушующем море из звука и света. Отражение в зеркале за полками с бутылками уже не казалось таким отчуждённым — теперь это была она сама, но застрявшая в кривом зеркале чужой реальности.

Крис растворилась в толпе почти мгновенно, унесённая встречным потоком знакомых лиц и восторженных возгласов. Перед исчезновением она крикнула Алисе на ухо: «Держись тут, я покружусь, познакомлюсь с нужными людьми! Не убегай!» И скрылась, оставив Алису одну на крошечном острове относительной статичности.

Оставшись без своего гида-проводника, Алиса почувствовала себя ещё более оголённой. Она втянула голову в плечи, инстинктивно приняв защитную позу, которую так часто занимала в переполненном лифте или в метро в час пик. Но здесь не было правил общественного транспорта. Здесь царил иной закон — закон притяжения взглядов, громкости смеха, уверенности позы.

Она начала наблюдать. Сначала бегло, скользя взглядом по поверхностям, как делала это, анализируя фасад здания. Но постепенно её профессиональный, аналитический

ум включился, пытаюсь систематизировать хаос, найти в нём структуру. Это стало её щитом.

Население. «Золотая молодёжь». Это не просто клише из светской хроники, это точная биологическая и социологическая классификация. Она делила их на виды:

Самцы-демонстраторы: в идеально сидящих рубашках с расстёгнутыми на две пуговицы воротами, с дорогими, но нарочито простыми часами на запястьях. Они стояли группами, слегка раскачиваясь в такт басу, но не танцевали. Их танец заключался в жестах: размашистых, указывающих на что-то (возможно, на свои невидимые активы), в похлопываниях по плечу, в оценивающих взглядах, скользящих по женским фигурам. Их смех был громким, но каким-то пустым, как эхо в бетонном колодце.

Самки-экземпляры: это было настоящее буйство красок и форм. Девушки в платьях, которые казались нарисованными на теле светящейся краской. Кожа, сияющая от хайлайтера и пота, искусственные ресницы, отбрасывающие на скулы паутину теней при каждом мигании разноцветных софитов. Они двигались с нарочитой, почти агрессивной грацией, их тела извивались в сложных, заученных паттернах. Их взгляды, быстрые и цепкие, постоянно сканировали пространство, оценивая друг друга и ловя на себе мужские взгляды. Их смех был выше, визгливее, и в нём слышался не столько искренний восторг, сколько сигнал: «Смотрите, я веселюсь! Я дорогая и доступная!».

Хищники в тени: по краям зала, в полумраке у входов в VIP-зоны, стояли другие мужчины. Постарше, в более дорогих и консервативных костюмах. Они почти не двигались. Их лица были масками холодной наблюдательности. Они не пили из бокалов, а медленно потягивали что-то тёмное из толстостенных стаканов. Их глаза, словно радары, обшаривали толпу, выискивая не просто красотку, а что-то особенное: уязвимость, амбицию, наивность. От них веяло такой спокойной, неоспоримой силой, что Алисе становилось не по себе.

Архитектура и среда. Её профессиональный взгляд цеплялся за детали, пытаясь понять логику этого безумия.

Акустика: специально рассчитанная на диссонанс. Низкие частоты (бас) подавляли всё, выбивая мысли, заставляя вибрировать внутренности. Средние частоты (голос, мелодия) тонули, создавая ощущение, что все кричат, но никто не слышит. Это было пространство, где вербальное общение было бессмысленно, где царил язык тела и взглядов.

Свет: не освещал, а ослеплял и расчленял. Резкие лучи лазеров выхватывали из темноты фрагменты: чью-то руку с бокалом, уголок улыбки, изгиб шеи, а затем бросали их обратно в небытие. Невозможно было увидеть человека целиком, только детали, как в калейдоскопе. Это создавало ощущение мимолётности, нереальности происходящего.

Воздух: густой, сладковатый от ароматизированного тумана, с примесью дорогого парфюма, пота и подгоревшего

от лазеров озона. Дышать им было тяжело, он словно обволакивал лёгкие сиропом.

Алиса видела, как Крис вписалась в этот мир, как рыба в воду. Она видела, как подруга смеётся, запрокинув голову, как ловко парирует чьи-то шутки, как её яркое платье мелькает в самой гуще танцпола, притягивая взгляды. Крис была частью этого орнамента, одним из ярких, уверенных мазков. А она, Алиса, была посторонним наблюдателем, прижавшимся к барьеру. Она чувствовала себя невидимкой, и в то же время ей казалось, что её бледность, её замершая поза, её широко открытые глаза кричат о её чужеродности громче любого смеха.

Кто-то толкнул её сзади, пробираясь к бару. Мускулистое предплечье в манжете от рубашки задело её обнажённое плечо. Контакт был мимолётным, но от него Алиса вздрогнула, как от удара током. Мужчина даже не обернулся, извиниться. Она была для него просто препятствием, частью интерьера.

Внутри поднялась знакомая волна — желание сбежать. Вернуться домой, в тишину, снять это душащее платье, стереть макияж, заварить чай и открыть рабочий файл. Там был порядок. Там были понятные правила: чертёж либо точен, либо нет. Смета либо сходится, либо нет. Здесь же всё было зыбко, субъективно, построено на намёках, игре и сиюминутном впечатлении.

Она уже было потянулась к сумочке, чтобы написать Крис

смс, но остановила себя. Вспомнила слова подруги: «Просто чтобы знать, что оно существует». Нет. Она уже не могла просто «знать». Она была внутри. И чтобы выжить, нужно было не просто наблюдать. Нужно было... адаптироваться. Найти свою нишу в этой экосистеме.

Она сделала ещё один глоток коктейля. На этот раз вкус показался ей менее враждебным. Она перевела взгляд с толпы на бармена — молодого парня с ирокезом и сосредоточенным лицом, который с виртуозной скоростью смешивал напитки. Его движения были точны, экономны, почти механистичны. В этом хаосе он был островком понятного ей ремесла. Он что-то строил. Создавал маленькие, совершенные составы из жидкостей, льда и трав. Это она могла понять.

Алиса развернулась, оперлась на бар локтями, уже не пряча, а занимая позицию. Она решила играть роль, которую знала лучше всего: роль критика. Холодного, стороннего оценщика. Она смотрела на танцующих, и её мозг автоматически отмечал: «Неустойчивая поза, центр тяжести смещён», «Движения не скоординированы, ритм не пойман», «Эта группа движется как стадо, подчиняясь не музыке, а стадному инстинкту».

Именно в этот момент, когда она наконец нашла для себя хоть какую-то внутреннюю точку опоры, её взгляд снова — уже намеренно? — скользнул в ту сторону, откуда за несколько минут до этого пришёл тот изучающий взгляд. Он всё ещё был там.

Мужчина стоял чуть в стороне от самой плотной толпы, прислонившись к колонне, обитой чёрным бархатом. Он не был похож на «демонстраторов». На нём была тёмная рубашка с закатанными до локтей рукавами, открывавшая предплечья с чёткими прожилками сухожилий. Дорогие, но потрёпанные часы. Он не раскачивался, не жестикулировал. Он просто стоял, держа в руке низкий бокал с тёмной жидкостью, и смотрел. Не на толпу, а конкретно на неё. Его взгляд не был наглым или похотливым. Он был... заинтересованным. Как будто он рассматривал не женщину у бара, а сложную схему, необычный архитектурный проект, который никак не вписывается в окружающий ландшафт.

Алиса почувствовала, как по её спине пробежал холодок. Но на этот раз она не отвела глаз. Её внутренний критик включился на полную мощность. «Поза уверенная, но не расслабленная. Стоит, опираясь на колонну, но не для поддержки, а чтобы контролировать пространство вокруг. Взгляд слишком прямой для пьяного. Целеустремлённость. Опасность».

Они смотрели друг на друга через ползала, разделённые мигающим светом и клубами тумана. Это был немой диалог двух наблюдателей, двух хищников, ещё не решивших, враги они или... что-то иное.

Вдруг он едва заметно улыбнулся. Не широко, а одним уголком рта. Как будто прочёл её мысли об «опасности». Затем медленно, не торопясь, оторвался от колонны и сделал

первый шаг в её направлении.

И тут же, будто по какому-то сигналу, между ними прошла целая вереница танцующих, на мгновение скрыв его из виду. Когда пространство снова очистилось, его уже не было на прежнем месте.

Алиса напряглась, её пальцы вцепились в край барной стойки. Она быстро осмотрела пространство вокруг себя. Его нигде не было видно. Он исчез. Но ощущение, что он где-то рядом, что этот взгляд всё ещё скользит по её коже, не исчезло. Оно стало ещё острее.

Теперь она была не просто наблюдателем в чужом мире. Она стала объектом чьего-то пристального, необъяснимого внимания. Островок безопасности у бара перестал быть безопасным. Она стояла на открытом пространстве, и чувствовала себя не невидимкой, а мишенью.

Её первоначальная паника сменилась странным, холодным возбуждением. Адреналин заструился по венам, заставив сердце биться чётко и громко, даже сквозь грохот басов. Она больше не хотела сбегать. По крайней мере, не сейчас. Сейчас она хотела понять. Кто он? Зачем? И что он будет делать дальше?

Она медленно выпрямилась, отодвинула почти допитый коктейль и скрестила руки на груди. Её поза больше не была защитной. Она стала выжидательной. Готовой. Впервые за этот вечер, страх отступил, уступив место острому, лезвийно-тонкому любопытству.

Чужой мир больше не просто оглушал её. Он начинал с ней диалог. И следующий ход, она чувствовала, будет за ним.

Глава 5

Чувство, что за ней наблюдают, не покидало Алису ни на секунду. Оно было похоже на легкое давление в затылке, на смутное ощущение тепла на коже, обращенной в ту сторону, откуда он исчез. Она стояла у бара, стараясь дышать ровно, но каждый нерв был натянут, как струна. Её взгляд, тренированный годами выискивать диссонанс в симметрии, теперь бессознательно сканировал толпу, выискивая не хаос, а конкретную угрозу — или вызов.

И он появился не спереди, а сбоку. Словно материализовался из самого шума и полумрака.

— Судя по выражению лица, ваш коктейль вам либо не нравится, либо вы ждёте, пока он превратится в архитектурный эскиз.

Голос прозвучал прямо у её уха, низкий, бархатистый, с лёгкой, едва уловимой хрипотцой, которая прорезала гул музыки, не требуя повышать тон. Алиса не вздрогнула — она замерла. Потом медленно, с преувеличенным спокойствием, повернула голову.

Он стоял так близко, что она различала фактуру ткани его рубашки — дорогой хлопок, мягкий, но неглаженный. Запах — не парфюм, а смесь дорогого мыла, свежего пота и чего-то тёплого, древесного, вроде кожи и сигарного дыма. Он не нависал, но его рост и ширина плеч создавали ощущение,

что он занимает всё пространство вокруг.

Это был тот самый взгляд с колонны. Вблизи он оказался ещё более... конкретным. Лицо не классически красивое, а собранное из резких, не до конца приглаженных черт: тёмные брови, почти сросшиеся на переносице, создававшие вечное выражение лёгкой насмешки или сосредоточенности; прямой, с едва заметной горбинкой нос; твёрдый подбородок с ямочкой. Но главное — глаза. Не просто тёмные. А глубокие, как колодец в безлунную ночь, с золотистыми искорками где-то на дне. И в них сейчас горел тот самый неподдельный, аналитический интерес, который она почувствовала издалека.

«Самоуверенный красавец» — слишком просто. Перед ней стоял хищник, который уже принял решение о нападении, но решил для начала поиграть с добычей.

Алиса заставила себя улыбнуться. Не широко, а тем уголком губ, которым улыбалась сама себе, находя ошибку в чужом чертеже.

— Я жду, пока бармен нарисует на пенке портрет Ле Корбюзье. Пока не очень получается, — её собственный голос прозвучал удивительно ровно, почти холодно. — А вы... судя по тому, что вы не танцуете и не кричите, вы либо ждёте кого-то, либо оцениваете ликвидность активов в этом помещении.

Его брови чуть приподнялись. В золотистых искорках промелькнуло одобрение. Первый выпад парирован. Не без

укола.

— Второе ближе. Но активы здесь, в основном, амортизируются с катастрофической скоростью. — Он сделал шаг ближе, теперь между ними оставалось не больше полуметра. Он слегка наклонил голову, изучая её лицо. — Вы — свежий актив. Неучтённый. Откуда?

Вопрос был задан с такой бесцеремонной прямоотой, что это обезоруживало. Он не спрашивал «Как вас зовут?» или «Можно вас пригласить?». Он требовал контекст, происхождение.

— Из мира, где люди задают вопросы, начиная со слова «извините», — парировала Алиса, отхлебнув из бокала, чтобы руки были заняты.

— «Извините», — без тени смущения повторил он, и в его голосе зазвучала откровенная насмешка. — Извините, но вы здесь выглядите как аскет на оргии. Это нарочно? Часть имиджа? Или вам действительно настолько неинтересно всё, что здесь происходит?

Его слова били точно в цель. Они были грубы, но не ложны. Именно так она себя и чувствовала. И это злило.

— Мне неинтересна дешёвая имитация веселья, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Шум, чтобы заглушить тишину собственных мыслей. Движения, чтобы скрыть отсутствие цели. Всё это... — она жестом очертила пространство клуба, — очень плохой дизайн. Шумно, тесно, безвкусно и совершенно нефункционально для чего-либо, кроме за-

бытья.

Он слушал её, и его насмешливое выражение понемногу менялось. В нём появилось что-то вроде уважительного любопытства учёного, наткнувшегося на новый, противоречащий всем законам, феномен.

— «Нефункционально», — повторил он за ней, растягивая слово. — Интересное слово. А что, по-вашему, было бы функционально для... забытья?

— Тишина, — отрезала Алиса. — И одиночество. Они куда эффективнее.

— О, — он кивнул, и его губы снова тронула эта едва заметная, кривая улыбка. — Значит, вы пришли в самое шумное место в городе, в платье, которое, простите за прямоту, создано для того, чтобы его снимали, для того, чтобы практиковать тишину и одиночество. Глубокая философия. Или просто плохая логистика.

Алиса почувствовала, как жар от гнева и смущения поднимается к её щекам. Он говорил о её платье. Смотрел на него. На неё в нём.

— Логистика, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул, — это моя сильная сторона. Я, например, логистически вычислила, что вы подошли ко мне не потому, что я вам понравилась, а потому что я — единственный человек в радиусе двадцати метров, который на вас не смотрит с благосклонной готовностью. Вы не охотитесь за лёгкой добычей. Вам нужен вызов. Так вот, мистер...?

— Матвей, — представился он, не предлагая руку. Просто констатировал факт.

— Так вот, Матвей, — продолжила Алиса, и её голос приобрёл стальные нотки. — Я — не вызов. Я — закрытая территория. «Посторонним вход воспрещён». Вы ошиблись объектом.

Он засмеялся. Настоящим, тихим смехом, который, казалось, шёл из самой глубины груди. Звук был тёплым и опасным.

— «Закрытая территория», — прошептал он, и его взгляд медленно, словно физически, провёл по линии её шеи, обнажённого плеча, изгиба руки. — С табличками, колючей проволокой и пропускным режимом? Интересно. А что охраняют так тщательно? Сокровища? Или пустое место?

Это был следующий выпад, ещё более личный, ещё более наглый. Он проверял границы, пытаясь спровоцировать её либо на гнев, либо на смущение.

Алиса взяла свой бокал и медленно, глядя ему в глаза, допила остатки коктейля. Поставила пустой стакан на стойку с лёгким, но отчётливым стуком.

— И то, и другое, — сказала она с ледяной вежливостью. — Но для того, чтобы это выяснить, нужно получить допуск. А его выдаёт только один человек. Я. И я его не выдаю незнакомцам, которые делают карьеру на том, чтобы тыкать палкой в диких животных в зоопарке, надеясь на реакцию. Мне жаль разочаровывать, но я не дикое животное. Я смотритель.

И сеанс для вас окончен.

Она собралась развернуться и уйти — к туалету, к выходу, куда угодно, — но его рука, быстрая и точная, легла ей на запястье. Прикосновение было не грубым, но неотвратимым. Его пальцы были тёплыми, сильными, с шершавой кожей на подушечках — не руки праздного бездельника.

— Смотритель, — повторил он, не отпуская её. Его голос потерял насмешливые нотки, стал тише, но плотнее. — А кто обитает в вашем зоопарке, смотритель? Одна только тоска по морю? Или там ещё что-то водится?

Алиса замерла. От его прикосновения по руке побежали мурашки, противные и одновременно щекочущие. Как он узнал? Как он мог...? И тут её взгляд упала на её же сумочку, лежащую на барной стойке. Из полуоткрытого клапана выглядывал край её паспорта. А на нём... наклейка. Глупая, детская наклейка с дельфином на фоне бирюзовой волны. Она наклеила её пять лет назад, вернувшись с того самого моря, и не могла заставить себя отодрать.

Он проследил за её взглядом и едва заметно кивнул. Так, значит, не магия. Просто наблюдательность. Ещё более уни-
зительно.

— Отпустите, — сказала она ровным, безжизненным голосом, в котором не осталось ни колкости, ни страха. Только требование.

Он посмотрел на свою руку, сжатую вокруг её запястья, как бы удивляясь, что она там оказалась. Потом медленно

разжал пальцы. Но не отодвинул руку. Она продолжала висеть в воздухе между ними, как невысказанное продолжение фразы.

— Простите, — сказал он, и впервые в его голосе прозвучала не насмешка, а что-то другое. Что-то вроде извинения за вторжение, но не за сам интерес. — Я перешёл границу. Но знаете, в чём проблема с закрытыми территориями?

Алиса молчала, чувствуя, как пульс бьётся в том месте, где секунду назад были его пальцы.

— Проблема в том, — продолжил он, наклоняясь так близко, что его губы почти касались её уха, и его дыхание, пахнущее дорогим виски, обожгло кожу, — что самые интересные вещи всегда находятся именно там. За табличкой «Вход воспрещён». И люди вроде меня... мы не умеем проходить мимо таких табличек. Мы их считаем личным приглашением.

Он выпрямился. Его лицо снова стало непроницаемым, но в глазах плясали те самые золотистые искры — азарт охотника, нашедшего достойную дичь.

— Наслаждайтесь тишиной, Алиса, — сказал он её имя так, будто знал его всегда, и, не дожидаясь ответа, развернулся и растворился в толпе, оставив её одну с пустым бокалом, колотящимся сердцем и ощущением, что на её тщательно выстроенные баррикады только что обрушился шквал.

Она стояла, прислонившись к стойке, пытаясь отдышаться. Внутри всё перевернулось. Её острые, колкие фразы ка-

зались теперь жалкой самозащитой. Его же слова, грубые и точные, резали прямо по живому, обнажая ту самую уязвимость, которую она так тщательно прятала.

Он не просто подошёл. Он провёл разведку боем. И отступил, чтобы перегруппироваться. Она это понимала. Это было не поражение с его стороны. Это была пауза.

И самое ужасное, самое непростительное было то, что, несмотря на весь гнев, на всю ярость от этой наглости, где-то в глубине, под слоями страха и раздражения, что-то дрогнуло. Что-то откликнулось на этот вызов. Не женская часть её, а та самая, что любила решать сложные задачи, распутывать клубки противоречий.

Он был сложной задачей. Опасной, непредсказуемой, отталкивающей. И чертовски интересной.

Алиса взяла сумочку, сунула паспорт с дурацкой наклейкой глубоко внутрь и с силой застегнула молнию. Ей нужно было найти Крис. Нужно было уйти. Сейчас же.

Но когда она отошла от бара и начала пробираться сквозь толпу, её взгляд сам искал в полумраке высокую, уверенную фигуру в тёмной рубашке. И она поймала себя на мысли, что надеется его не увидеть. Или надеется увидеть. Она уже не могла различить.

Одно было ясно: тишина и одиночество, о которых она говорила с такой надменностью, были навсегда нарушены. В них теперь звучало эхо его голоса и оставался след его прикосновения на коже.

Глава 6

Найти Крис в этом водовороте оказалось задачей невозможной. Алиса пробиравлась сквозь толпу, и каждый мимо проходящий мужчина казался ему. Каждый взгляд, скользнувший по её обнаженному плечу, отзывался эхом его прикосновения к запястью. Она чувствовала себя глупо, уязвимо и чертовски зло. Зло на него, на его самоуверенность, на то, как легко он прочитал её и нарушил её границы. И зло на себя — за ту дрожь, что пробежала по спине, когда он наклонился к её уху.

Музыка сменилась. Глухой, пульсирующий техно уступил место чему-то более ритмичному, чувственному, с навязчивым басовым синтезатором и приглушёнными женскими вокалами. Толпа на танцполе сгустилась, движения стали менее резкими, более плавными, почти обволакивающими.

Алиса остановилась на краю, пытаясь сориентироваться. И тут она увидела её. Крис. В самом центре, окруженная кольцом восхищенных поклонников, она отплясывала с таким безудержным весельем, будто родилась здесь. Поймать её взгляд было нереально.

«Ладно, — подумала Алиса с горькой решимостью. — Подожду здесь. Она скоро устанет или вспомнит обо мне».

Она прислонилась к колонне, той самой, у которой он стоял. Ирония ситуации заставила её сжаться. Она закрыла гла-

за, пытаясь абстрагироваться от шума, от давящей жары, от липких взглядов. Внутри неё бушевала буря: оставаться или уйти одной? Уйти означало признать поражение, показать, что он её спугнул. Остаться... остаться было опасно.

Она открыла глаза. И увидела его.

Он двигался сквозь толпу к ней не прямо, а по диагонали, обходя группы, словно вода, огибающая камни. Его взгляд был прикован к ней, и в нём не было уже ни насмешки, ни аналитического интереса. Был чистый, неразбавленный вызов. И предвкушение.

Алиса инстинктивно выпрямилась, оторвавшись от колонны. Бежать? Но куда? Сквозь эту толпу он настигнет её за три секунды. И бегство снова будет выглядеть как капитуляция.

Он остановился перед ней, не касаясь, но его тело было так близко, что она чувствовала исходящее от него тепло.

— Смотритель, — сказал он, и его голос, казалось, прорезал музыку без усилий. — Вы отлучились со своего поста. Непорядок.

— И что, вы патруль? — бросила она, пытаясь звучать резко, но её голос слегка дрогнул.

— Нет. Я — тот, кто игнорирует таблички, — он улыбнулся, и это была не кривая усмешка, а медленная, уверенная улыбка, от которой у неё похолодело в животе. — А сейчас я приглашаю вас танцевать.

— Я не танцую, — автоматически выпалила она.

— Все танцуют, — парировал он. Просто одни — ногами. Другие — глазами. Вы только что оттанцевали целую симфонию страха и любопытства. Давайте продолжим. На более традиционном поле боя.

И прежде чем она успела что-то возразить, его рука легла на её талию. Не на запястье, а именно на талию, чуть выше того места, где заканчивался шёлк платья и начиналась голая кожа. Прикосновение было твёрдым, властным, не оставляющим сомнений в намерениях. Другой рукой он взял её руку, но не для нежного объятия, а скорее как фехтовальщик берёт руку противника перед поединком.

Он не спросил. Он начал вести.

И это не был танец. Это была битва.

Такт первый: Наступление. Он двинулся первым, введя её в ритм резким, уверенным шагом. Его тело было неожиданно пластичным и сильным. Он не просто раскачивался — он контролировал пространство вокруг них, создавая своим корпусом невидимый щит от толпы. Алиса сопротивлялась, её тело было скованным, деревянным. Она пыталась отстраниться, но его рука на талии была как стальной обруч. Она пыталась отвести взгляд, но он приковал её к себе, его тёмные глаза требовали участия.

— Расслабьтесь, — его губы почти коснулись её виска. — Вы боретесь с музыкой. А надо её использовать.

— Я не хочу её использовать! — прошипела она в ответ, но её ноги, предательски, уже начали подчиняться ритму, ко-

торый он задавал.

Такт второй: Парирование. Он почувствовал её слабое подчинение и усилил натиск. Его движения стали более сложными, требующими ответа. Он кружил её, то приближая так, что её грудь касалась его груди, а дыхание смешивалось в едином горячем облаке, то отдаляя на почтительную, но мучительную дистанцию. Каждое прикосновение было чётким, намеренным. Его бедро, на мгновение прижатое к её бедру. Его рука, скользящая по её спине, чувствуя каждый позвонок под тонким шёлком. Алиса пыталась отвечать тем же — её свободная рука легла ему на плечо, но не для нежности, а чтобы оттолкнуть, чтобы создать дистанцию. Но вместо этого её пальцы впились в плотную мышцу под рубашкой, ощутив её силу. Это было не отталкивание. Это было признание его физического присутствия.

Химия, о которой предупреждала Крис, оказалась не метафорой. Это была физическая реальность. Волна жара, не имеющая ничего общего с духотой клуба, накатывала на неё каждый раз, когда их тела соприкасались. В груди что-то сжималось, а в низу живота закручивался тугой, стыдный узел желания. И это злило её до безумия. Она ненавидела эту потерю контроля. Ненавидела его за то, что он это вызывает.

— Получается, — сказал он, и его голос был густым, как мёд. Его губы почти коснулись её уха, и она почувствовала его дыхание на мочке. — Когда перестаёшь сопротивляться.

— Я не перестану, — выдохнула она, но в её голосе уже

не было прежней убеждённости. Он заставлял её двигаться, заставлял её тело отвечать на его вызов, и с каждым тактом её воля таяла, как лёд под паяльной лампой.

Такт третий: Сближение. Музыка снова изменилась, став медленнее, интимнее. Бас бился, как большое, ленивое сердце. Толпа вокруг сгустилась ещё больше, и пространство между ними исчезло. Теперь они танцевали, практически обнявшись. Его рука с её талии переместилась ниже, на спину, прижимая её к себе. Её грудь была прижата к его груди, и она чувствовала биение его сердца — учащённое, мощное, синхронное с её собственным бешеным пульсом. Его щека почти касалась её щеки. Она могла разглядеть каждую пору на его коже, каждую тёмную ресницу. Его запах окутал её с головой, смешался с её собственным, создав новую, интимную смесь.

Она задыхалась. Но не от нехватки воздуха. От близости. От этой невыносимой, животной близости, против которой её ум был бессилен. Её руки, которые должны были отталкивать, обвились вокруг его шеи, будто ища опоры. Их взгляды встретились, зацепились. В его глазах уже не было насмешки. Там бушевал огонь, тёмный, всепоглощающий, и она видела в нём своё собственное отражение — испуганное, разгорячённое, потерянное.

— Что охраняешь, Алиса? — прошептал он, и его губы почти коснулись её губ. Голос был хриплым, лишённым всякой игры. Это был прямой, грубый вопрос. — Себя? От чего?

Она не ответила. Не могла. Её губы сами приоткрылись, чтобы вдохнуть воздух, и это движение было похоже на приглашение. Он видел это. Его взгляд упал на её губы, и в нём вспыхнуло что-то первобытное, хищное.

Такт четвёртый: На грани. Он наклонился. Медленно, давая ей время отстраниться, отвернуться, сбежать. Но она замерла, парализованная этим моментом, этой неотвратимостью. Его губы были в сантиметре от её. Она чувствовала их тепло. Музыка, толпа, весь мир сузились до этой точки контакта, который вот-вот должен был произойти.

И в этот момент, сквозь туман желания и страха, в её мозгу сработал аварийный предохранитель. Вспышка рациональности, ясная и холодная, как лезвие. «Кто он? Никто. Охотник. Ты — добыча. Это игра. И ты проигрываешь, подаваясь».

Она резко, со всей силы, нажала ладонями на его грудь, отталкивая его. Не ожидавший такого резкого сопротивления, он отступил на полшага, и его объятие ослабло. В его глазах мелькнуло удивление, а затем — тёмное, обжигающее разочарование.

— Я сказала — нет, — выдохнула она, и её голос был хриплым от натуги и невысказанных эмоций.

Он смотрел на неё, его грудь тяжело вздымалась. Казалось, он боролся с собой, с инстинктом, который требовал просто взять то, что было так близко. Но через мгновение его лицо снова стало непроницаемой маской. Он медленно

кивнул.

— «Нет», — повторил он, как бы пробуя слово на вкус.
— Пока что.

Он отпустил её. Физически. Но пространство между ними оставалось заряженным, как поле после грозы.

— Смотритель, вы отлично держите оборону, — сказал он, и в его голосе снова появились знакомые насмешливые нотки, но теперь в них слышалось напряжение. — Но помните: осада — это тоже тактика. И у осаждающих больше времени.

Он не стал ждать ответа. Развернулся и, так же уверенно, как и пришёл, растворился в толпе, оставив её одну посреди танцпола, дрожащую, с разгорячённой кожей, с губами, которые всё ещё ждали прикосновения, и с бешеной, всепоглощающей яростью, направленной и на него, и на себя саму.

Она стояла, пытаясь отдышаться, чувствуя, как её ноги подкашиваются. Музыка, свет, толпа — всё это снова обрушилось на неё, но теперь оно казалось плоским, фальшивым, жалкой пародией на ту бурю, что только что пронеслась между ними.

«Это битва, а не танец». Теперь она понимала это буквально. И первый раунд, как ей казалось, она выиграла, отстояв свой поцелуй. Но почему же тогда она чувствовала себя не победителем, а раненым солдатом на поле, залитом дымом и адреналином? Почему каждая клеточка её тела кричала не об облегчении, а о прерванном движении, о неслучившемся

ся...

Она с силой тряхнула головой, отгоняя мысли. Нужно было найти Крис. Нужно было уйти. Сейчас же. Пока эта «осада», о которой он говорил, не превратилась в полноценный штурм, против которого у неё, она чувствовала, может и не найтись сил.

Она пробилась сквозь толпу, её движения были резкими, угловатыми. Её тело, только что такое податливое в его руках, снова стало своим — напряжённым, скованным, но уже навсегда изменившимся. Оно помнило. И она ненавидела это воспоминание почти так же сильно, как жаждала его повторения.

Глава 7

Алиса пробивалась к выходу с танцпола, как раненый зверь продирается сквозь чащу. Каждое случайное прикосновение к её коже — от толкающегося плеча, от чьей-то скользящей руки — заставляло её вздрагивать, потому что её нервы были оголены, а память тела всё ещё хранила отпечаток его ладоней. Его запах, смесь кожи, мыла и чего-то дикого, казалось, вьелся в её платье, в её кожу. Она пыталась стряхнуть его с себя, но он висел вокруг, как невидимый шлейф.

Она наконец вырвалась на относительно свободное пространство у стены, ведущей к гардеробу и выходу. Опираясь о прохладную бетонную поверхность, она закрыла глаза и попыталась взять себя в руки. «Дыши. Просто дыши. Он всего лишь наглый тип. Он ушёл. Всё кончено».

Но оно не кончилось. Она знала это. Чувствовала это в каждом нервном окончании.

— Похоже, зритель сбежал с поста окончательно.

Голос прозвучал прямо перед ней. Он не подошёл — он просто возник, словно материализовался из самой тени у стены. Алиса открыла глаза. Он стоял в двух шагах, засунув руки в карманы брюк. На его лице не было ни напряжения после их танца, ни той первобытной ярости, что мелькнула в его глазах, когда она оттолкнула его. Было спокойное, почти

ленивое выражение человека, который контролирует ситуацию настолько, что может позволить себе роскошь терпения. Это спокойствие обожгло её сильнее любой насмешки.

— Я иду домой, — сказала она, пытаясь обойти его. — Игра окончена. Вы проиграли.

— Игра? — Он приподнял бровь, слегка отступив, чтобы снова оказаться на её пути, но не касаясь её. — Это была не игра, Алиса. Это была... рекогносцировка. А теперь, когда я оценил оборону, предлагаю перейти к переговорам. В более комфортных условиях.

Он жестом указал куда-то наверх, в сторону лестницы с бархатным ограждением, куда вели только избранные. Там, за полупрозрачными ширмами, мерцал приглушённый, золотистый свет, и силуэты двигались медленно, почти недвижно, в полной тишине, недоступной для рёва зала.

— VIP-ложа, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучали отчётливые нотки того, что Алиса прочитала как снисходительность. Не злая, не нарочитая. Та самая, естественная снисходительность человека, который привык, что его мир — с отдельным входом, тишиной и лучшим алкоголём — является конечной целью для всех остальных. — Там можно поговорить. Не кричать. Выпить чего-то стоящего, а не этого коктейля из жидкого льда и пищевых красителей. И... продолжить наш разговор.

Он сказал «продолжить наш разговор», но его взгляд, медленно скользнувший от её глаз к губам и ниже, к вырезу

платья, говорил совершенно о другом. Он предлагал не беседу. Он предлагал приватность. Уединение. Ту самую «тишину», о которой она так высокомерно заявляла у бара. Но только на его условиях. В его клетке.

И это было последней каплей. Всё, что накопилось за этот вечер — унижение от его пронизательности, ярость от потери контроля на танцполе, стыд от собственного отклика, страх перед этой чужеродной силой, что притягивала и отталкивала одновременно — всё это сконцентрировалось в одну точку. В этом предложении. В этом тоне.

Он смотрел на неё, ожидая. Ожидая, что она поймёт оказанную честь. Что её сопротивление — всего лишь кокетливый ритуал, предвещающий неизбежную капитуляцию. Что слова «подняться в VIP» являются магическим заклинанием, против которого не устоит ни одна женщина в этом клубе, да и, пожалуй, в этом городе.

Алиса выпрямилась во весь свой невысокий рост. Она подняла подбородок. И когда она заговорила, её голос был тихим, но настолько острым и холодным, что, казалось, разрезал шум вокруг, как лезвие по шёлку.

— Вы знаете, Матвей, — начала она, растягивая слова, — я весь вечер пыталась понять, что же во всём этом... — она жестом очертила пространство клуба, включая и его, — ...меня так отталкивает. И я наконец поняла.

Он слегка склонил голову набок, с любопытством ожидая продолжения. Уверенность всё ещё читалась в его позе.

— Это не шум. Не безвкусица. Даже не ваша наглая самоуверенность, — продолжила она, и с каждым словом её голос становился всё тише и отчётливее. — Это — абсолютная, тотальная нефункциональность. Бессмысленность. Вот этот ваш VIP... это же просто клетка получше. Та же игра, те же лица, тот же обмен циничными шутками и оценка друг друга по цене часов на запястье. Только без музыки, чтобы не мешало считать чужие деньги. Вы предлагаете мне перейти из одного отсека этого корабля дураков в другой, чуть более обитый бархатом. И считаете это предложением, от которого нельзя отказаться.

Она видела, как по его лицу прошла тень. Не гнева, а скорее удивления, что кто-то вообще может смотреть на его мир под таким углом. Но он быстро взял себя в руки.

— Вы слишком много анализируете, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая раздражённая нотка. — Иногда нужно просто позволить себе... получить удовольствие. Без чертежей и смет.

— «Получить удовольствие», — передразнила она его, и её губы искривились в гримасе, которую нельзя было назвать улыбкой. — По вашим правилам. На вашей территории. За ваш счёт. Я правильно поняла схему? Вы — великодушный завоеватель, а я — побеждённая провинция, которой оказана честь принять вашу культуру? Спасибо, конечно. Но у меня на родине, знаете ли, свои обычаи. И один из них — не заходить в клетки к незнакомым хищникам, даже позоло-

ченные.

Он замер. Его уверенность наконец дала трещину. В его глазах промелькнуло что-то похожее на холодную ярость. Он привык к сопротивлению, но не к такому — не к уничтожающему, презрительному анализу, который низводил всё его могущество, все его преимущества до уровня жалкой, пошлой схемы.

— Вы очень резки для человека, который пять минут назад дрожал у меня на руках, — сказал он тихо, и в его голосе зазвучала опасная мягкость.

Удар был ниже пояса, и он попал точно. Алиса почувствовала, как кровь приливает к лицу. Но вместо того чтобы смутиться, она воспользовалась этой яростью, как топливом.

— Дрожала не я, — выдохнула она, делая шаг навстречу ему, так что между их лицами осталось сантиметров двадцать. — Дрожала химия. Адреналин. Физиология. Дешёвые трюки, на которые ведутся те, кому нечем больше заняться. Но мой разум, Матвей, мой разум не дрожал ни секунды. И он сейчас говорит мне, что вы — скучный, предсказуемый тип, который думает, что все замки открываются одним ключом — толстой пачкой купюр и намёком на исключительность. Но мой замок, — она ткнула себя пальцем в грудь, — сложнее. Он требует пароля. А пароль у вас явно не тот.

Она видела, как его челюсти сжались. Жилы на шее напряглись. Он был на грани. Ещё одно слово — и он мог схватить её, сказать или сделать что-то непоправимое. И часть

её, та самая, что ещё пылала от их танца, почти желала этого — грубого, прямого столкновения, которое снесёт все эти словесные декорации.

Но он был не из тех, кто теряет контроль на публике. Он вдохнул, выдохнул, и маска холодного превосходства снова скользнула на его лицо, хоть и с заметными трещинами.

— Я предлагал вам подняться, — сказал он ледяным тоном, в котором уже не было и тени прежней бархатистой игривости. — Вы предпочли остаться внизу. Ваш выбор. Надеюсь, общество пьяных студентов и офисных клерков, мечтающих разбогатеть, доставляет вам больше интеллектуального удовольствия.

Это была попытка ударить в ответ, принизить её мир. Но для Алисы это прозвучало как жалкое лепетание.

— О, ещё как, — сказала она с фальшивой сладостью в голосе. — По крайней мере, они честны в своих намерениях. И им не нужно прятаться за бархатные верёвки, чтобы чувствовать себя значительными. Они просто... живут. Пусть и глупо. А теперь извините. Мой «дешёвый коктейль» ждёт, а у меня завтра дедлайн в девять утра. Надо идти составлять сметы и чертить линии. Настоящие. А не те, что вы пытаетесь нарисовать в воздухе.

Она развернулась, чтобы уйти, чувствуя головокружение от собственной дерзости и от адреналина, что лился в жилах. Она ждала, что он остановит её. Схватит за руку. Скажет что-то ещё.

Но он просто стоял. Молча. Она почувствовала его взгляд на своей спине — тяжёлый, обжигающий, полный непрочитанной ярости и чего-то ещё... может быть, того самого неподдельного интереса, который теперь уже был отравлен её ядом.

Она сделала несколько шагов, потом обернулась. Он всё ещё смотрел на неё. В полумраке его лицо казалось высеченным из тёмного гранита.

— И да, — бросила она через плечо, добивая, — про «дрожь». Запомните на будущее: иногда тело реагирует на угрозу. Это инстинкт самосохранения. А не приглашение.

На этот раз она ушла по-настоящему. Пробилась к гардеробу, судорожно нащупала в сумочке номерок, получила своё старое пальто и набросила его на плечи, как доспехи. Её руки дрожали, когда она застёгивала пуговицы. Но внутри бушевало ликование. Дикое, неконтролируемое. Она дала ему отпор. Не просто отказала — уничтожила. Снесла его спесь, его уверенность, его глупое предложение подчистую.

Почему же тогда, выйдя на холодный ночной воздух, который должен был освежить и успокоить, она почувствовала не облегчение, а пустоту? Почему её победа казалась такой... пирровой? Она оставила там, в том шумном аду, не просто наглого ухажёра. Она оставила часть самой себя — ту, что на танцполе откликнулась на его вызов не только гневом, но и чем-то другим. Чем-то тёмным, волнующим и абсолютно запретным.

И самое страшное было то, что, произнося свои убийственные финальные фразы, она видела в его глазах не разочарование. Она видела азарт. Тот же самый азарт охотника, который только что обнаружил, что его добыча не беззащитная овечка, а раненый волк, способный укусить до кости.

Осада, как он и сказал, только начиналась. И теперь она знала — осаждающая армия уже не будет играть в галантность. Она разозлила зверя. И зверь этого не забудет.

Глава 8

Холодный ночной воздух не принес облегчения. Он лишь заставил Алису осознать, насколько она разгорячена изнутри. Адреналин всё ещё гудел в ушах, смешиваясь с далеким, приглушённым гулом басов из клуба. Её руки в карманах пальца сжимались в кулаки так, что ногти впивались в ладони. Она шла, не видя направления, просто пытаясь физически удалиться от эпицентра взрыва, который только что произошёл внутри неё.

«Дешёвые трюки... скучный, предсказуемый тип... клетка...» — её собственные слова эхом отдавались в голове, и с каждым повтором она чувствовала не гордость, а сжимающуюся в груди тревогу. Она перешла черту. Не ту, что отделяла вежливый отказ от грубости, а ту, что отделяет игру от войны. И теперь этот человек, этот Матвей, с его холодными, хищными глазами, больше не был просто назойливым кавалером. Он был противником. Опасным, оскорблённым и, судя по той ярости, что мелькнула в его взгляде, абсолютно беспощадным.

Она остановилась у края тротуара, глядя на мелькающие фары. Нужно было вызвать такси. Уехать. Забыть. Завтра будет дедлайн, работа, привычная, спасительная рутина, которая сметёт этот кошмарный вечер, как ластик — карандашный набросок.

«Если он вообще позволит забыть», — прошептал внутренний голос.

Она уже достала телефон, когда сзади раздался знакомый, ненавистно-бархатный голос, лишённый теперь всякой игри-ности, налитый сталью и льдом.

— Убегаете? Я не удивлён. Слова — это одно. А оставаться на поле боя, когда враг ещё не повержен, — совсем другое.

Алиса медленно обернулась. Он стоял в нескольких метрах, на ступеньках у входа в клуб. Свет неона выхватывал его из темноты: расстёгнутый ворот рубашки, руки, всё ещё засунутые в карманы, но теперь поза была не расслабленной, а собранной, как у боксёра перед раундом. Он спустился за ней. Не позволил ей просто уйти. Это уже было не преследование. Это было объявление о том, что игра окончена, и теперь начинается нечто настоящее.

— Что вам ещё от меня нужно? — спросила она, и её голос прозвучал устало. Вся энергия отповеди ушла, оставив после себя пустоту и холодную дрожь. — Вы уже всё сказали. Я всё сказала. Мы квиты.

— Квиты? — Он фыркнул и сделал шаг вперёд. Толчок охранника у входа пропустил его, и Матвей вышел на тротуар. — Мы не квиты, Алиса. Вы только что публично разобрали меня на запчасти, как дешёвую китайскую игрушку. Вы считаете, что на этом всё?

Он подходил ближе. Его шаги были неторопливыми, но неотвратимыми. Люди, выходящие из клуба, обтекали их,

бросая любопытные взгляды на эту странную пару: разгневанного красавца и бледную девушку в старом пальто поверх вечернего платья.

— Я не считаю ничего, — сказала она, отступая на шаг, но тут же споткнулась о бордюр. — Я констатирую факт. Наш диалог исчерпан.

— О, нет, — он покачал головой, и на его губах появилась та самая кривая, безрадостная улыбка. — Он только начался. Видите ли, стервочки, которые кусаются так больно... они становятся интересными.

«Стервочка». Слово повисло в воздухе между ними, тяжёлое, грубое, заряженное презрением и... чем-то ещё. Оно не было обычной оскорбительной браной. В его устах, произнесённое с этой хрипотцой, оно звучало почти как комплимент. Как признание её силы. Но в то же время оно низводило её до уровня раздражающей, но яркой самки, которую нужно приручить.

И это стало последней каплей. Той самой, что переполнила чашу. Всё, что она терпела этот вечер: его наглый подход, его властные руки на танцполе, его снисходительное предложение, его упрёк в «дрожи», и теперь это... это прозвище. Оно свело всю их сложную, мучительную химию, весь интеллектуальный поединок к примитивной животной схватке.

Что-то в Алисе щёлкнуло. Перегретый предохранитель наконец сгорел.

Она не думала. Она действовала.

Её рука сама потянулась к сумке. Она не искала там перцовый баллончик или ключи. Нет. Её пальцы нащупали то, что стало идеальным, почти поэтическим оружием в этот момент. Полный бокал. Тот самый «Мохито», который она заказала у бара после их разговора и так и не допила, когда он снова нашёл её. Холодный, с зелёными листиками мяты и долькой лайма, с конденсатом на стенках.

Она выхватила его. Бармен небрежно налил его в пластиковый стакан с крышечкой и соломинкой — для тех, кто выходит покурить. Идеально.

Матвей, увидев движение, на мгновение замер, его брови удивлённо поползли вверх. Он, вероятно, ожидал новых слов, новой порции яда. Но не этого.

Алиса шагнула к нему. Не отступая, а наступая. Её страх испарился, его место заняла чистая, кристальная ярость. Она подняла стакан.

— Это не слова, — сказала она тихо, почти нежно. — Это — моя смета.

И она, не раздумывая, с силой выплеснула ему в лицо ледяное, липкое содержимое.

Время замедлилось.

Она увидела, как зелёно-прозрачная жидкость дугой вырывается из стакана и обрушивается на него. На его сдвинутые брови, на прямой нос, на сжатые в тонкую полоску губы. Она увидела, как кубики льда сочно шлёпаются об его лоб и соскальзывают за воротник рубашки. Как долька лайма за-

стревает у него в мокрых волосах. Как мята размазывается по его щеке.

Он не отпрянул. Он даже не зажмурился. Он стоял, как вкопанный, принимая удар. Только его глаза, широко открытые, отражали полнейшее, абсолютное потрясение. Потрясение, граничащее с шоком. Никто. Никогда. Ни в жизни, наверное, с самого детства, не позволял себе ничего подобного по отношению к Матвею Третьякову.

Музыка из клуба на секунду стихла между треками, и в этой внезапной тишине звук хлюпающей жидкости и падающего на асфальт льда прозвучал оглушительно громко. Несколько человек у входа замерли, уставившись на них. Кто-то сдержанно ахнул.

Алиса стояла с пустым, смятым стаканом в руке, тяжело дыша. Гнев ушёл так же внезапно, как и пришёл, оставив после себя пустоту и осознание чудовищности содеянного. Она только что вылила напиток на одного из самых влиятельных и, судя по всему, самых мстительных людей в городе.

Он медленно, очень медленно, провёл рукой по лицу, снимая с ресниц капли и кусочки мяты. Он посмотрел на свои мокрые пальцы, потом поднял взгляд на неё. И в этот момент Алиса увидела в его глазах не ярость, которую ожидала. Не унижение. Не даже желание немедленной мести.

Она увидела восхищение.

Глубокое, безудержное, первобытное восхищение. Как будто он только что обнаружил не просто стервочку, а вул-

кан под тонкой коркой льда. Как будто её поступок подтвердил все его самые смелые, самые тёмные догадки о ней. В его мокром, разгневанном лице, в сжатых челюстях, в напряжённой шее — во всём теле читалась ярость. Но глаза... глаза горели тем самым золотистым огнём, только теперь он был в тысячу раз ярче. Это был восторг охотника, нашедшего не просто дичь, а мифическое существо.

— Ну... — он выдохнул хрипло, снимая со своего плеча размокшую дольку лайма и разглядывая её. — Вот это да.

Его голос был приглушённым, но в нём не было угрозы. Было... изумление. И что-то похожее на уважение.

— Вы... вы довели, — прошептала Алиса, чувствуя, как её колени подкашиваются уже не от страха, а от реакции. Она всё ещё сжимала пустой стакан, как доказательство преступления.

— О, ещё как довёл, — согласился он, и странная, кривая улыбка снова тронула его губы. Он вытер лицо ладонью, потом встряхнул рукой, разбрызгивая капли. — И знаете что? Это того стоило.

Он сделал шаг к ней. Мокрый, пахнущий мятой, ромом и дикой яростью, он был теперь ещё более опасен и притягателен. Алиса отступила, но спина уже упиралась в фонарный столб.

— Вы только что пересекли черту, наблюдатель, — сказал он тихо, так что слышно было только ей. — Такую черту, за которую обычно платят очень дорого. Но я... я, кажется,

готов зачесть это как первый взнос.

«Взнос? За что?» — мелькнуло у неё в голове, но она не успела спросить.

Он наклонился к ней, и его мокрое лицо было так близко, что она чувствовала холодок, исходящий от его кожи, и горячее дыхание.

— Только запомните, — прошептал он, и в его голосе вновь зазвучало то неподдельное, жуткое любопытство. — Теперь у нас с вами личные счета. И я их закрываю. Лично. Не здесь и не сейчас. Но обязательно.

Он выпрямился, ещё раз потряс головой, сбрасывая последние капли с волос, бросил на неё долгий, пылающий взгляд — смесь ярости, восхищения и твёрдого намерения — и, развернувшись, направился обратно к входу в клуб, к изумлённым лицам охраны и зевак, расступавшихся перед ним, как перед королём, вышедшим из битвы.

Алиса осталась стоять у фонарного столба, дрожа, с пустым стаканом в руке. Запах мяты и лайма витал в воздухе. На асфальте у её ног таяли кубики льда.

Она только что объявила войну. И получила в ответ не ответный удар, а... признание. Обещание продолжения. Более личного. Более страшного. Более... неизбежного.

Она медленно разжала пальцы. Пластиковый стакан с глухим стуком упал на землю. Она повернулась и, почти не чувствуя ног, побежала. Не к такси. Просто бежала, срывая с плеч пальто, чувствуя, как холодный ветер обжигает её раз-

горячённое лицо. Она бежала от него, от себя, от этого безумия, в которое превратился вечер.

Но куда бы она ни бежала, она знала: запах мяты и его горящий, восхищённый взгляд будут преследовать её. Потому что она больше не была просто зрителем закрытой территории.

Она стала тем, кто швырнул вызов в лицо самому королю этих бетонных джунглей. И король, кажется, принял его.

Глава 9

Бежать. Просто бежать, не думая, не оглядываясь, пока ноги несут, пока в лёгких хватает воздуха, заполненного запахом ночного города, бензина и собственной паники. Алиса мчалась по тротуару, срывая с каблуков, едва не падая, хватая ртом холодный воздух, который обжигал горло. Позади, в световом пятне у входа в «Эклипс», остался её пластиковый стакан, лужица тающего льда и... он. Мокрый, пахнущий мятой и яростью.

Но бегство по пустынной улице было иллюзией безопасности. Это была открытая местность, где он, на своих длинных, сильных ногах, настигнет её за минуту, если захочет. Инстинкт, острый, как лезвие, пронзил её мозг: «В толпу. Назад. В хаос. Там можно раствориться. Там он не посмеет... или не сможет».

Резко, почти на повороте, она развернулась и рванула обратно, к светящемуся входу. Охранники у входа, видевшие сцену с «Мохито», смотрели на неё с немимым вопросом, когда она, словно призрак, промчалась мимо них, снова ныряя в открытую пасть клуба. Шум, бас, мелькание света обрушились на неё с новой силой, но теперь это был не оглушающий удар, а спасительный камуфляж.

Она проскользнула в самую гущу толпы у танцпола, стараясь сделать свои движения не беглыми, а частью общего ха-

оса. Прислонилась к стене, за массивной колонной, пытаюсь отдышаться. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. Она зажмурилась, пытаюсь унять дрожь в руках.

И тут её накрыла волна. Не страха. А чего-то другого. Дикого, пьянящего, запретного.

Она только что вылила напиток на Матвея Третьякова. На его самоуверенное, красивое лицо. И он... он смотрел на неё не с ненавистью, а с восхищением. Угрожал, но в его угрозах слышалось обещание чего-то невероятно опасного и притягательного.

Из её горла вырвался звук — что-то среднее между рыданием и смешком. А потом — ещё один. И ещё. Она засмеялась. Тихим, истеричным, освобождающим смехом, заглушаемым рёвом музыки. Она сделала это. Она, Алиса Соколова, педантичный архитектор, перечертившая свою жизнь по линейке, только что совершила самый безумный, самый непредсказуемый поступок за все двадцать восемь лет. И это было... чертовски весело.

Этот смех, эта вспышка эйфории длились не больше пяти секунд. Потом она почувствовала его. Не увидела. Почувствовала.

Как смену давления в комнате. Как внезапную тишину в крике. Как тяжелый, цепкий взгляд, пробивающийся сквозь мигающий свет и тела, и лежащий точно между её лопаток. Жаркий, неумолимый, как прицельный луч.

Он вошёл. Она знала это без оглядки. Его присутствие из-

лучало волны такой концентрации, что они рассекали бессмысленную энергию толпы. Шок прошёл. На смену ему пришёл азарт. Охотничий азарт. И теперь он был не просто заинтересован. Он был мобилизован.

Алиса оттолкнулась от колонны и, не оглядываясь, ринулась вглубь зала, подальше от входа. Её смех застрял в горле, сменившись лихорадочной, ясной сосредоточенностью. Это была уже не паническая беготня. Это была игра. Смертельно опасная, но игра.

Она использовала всё, чему научилась за вечер наблюдений. Скользила между группами людей, как тень, используя их как живые щиты. Пригибалась, когда проходила под лучом прожектора. Резко меняла направление, петляя между столиками. Она чувствовала его. Чувствовала, как тот тяжёлый взгляд теряет её на секунду, когда она ныряет за спину огромного мужчины в косухе, и как снова находит, когда она выныривает с другой стороны.

Он не бежал за ней. Он шёл. Неторопливо, с убийственным спокойствием человека, который знает, что выходы перекрыты, а время работает на него. Он не толкался, не пробивался. Толпа сама расступалась перед ним, чувствуя исходящую от него энергию. Он был акулой, плывущей сквозь косяк мелкой рыбы, и его цель была одна.

Алиса пробилась к дальнему бару, тому, что был у стены с огромным аквариумом, где за стеклом лениво плавали тропические рыбы. Она присела на высокий стул, спиной к за-

лу, делая вид, что изучает меню, написанное мелом на грифельной доске. Она видела его отражение в тёмном стекле аквариума. Он остановился в двадцати метрах от неё, прислонился к стене, скрестив руки на груди. Он смотрел прямо на её отражение. Он знал, что она видит. Он позволял ей это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.